Мы сидели в приемной у главврача, пока с ним беседовал Брежнев. Боль от возможной утраты близкого человека давила на меня. Память Саши маленького, да и мои новые воспоминания, о том как я попал в это время, очень сильно влияли на меня и пусть я и имел взрослое сознание. Это никак не помогало, да и как может помочь, любой, кто терял близкого человека, скажет, что неважно сколько тебе лет, это всегда будет больно. Фурцева сидела рядом, прижав меня к своему боку и периодически повторяла, что все будет хорошо, что врачи помогут. Судя по ее лицу ей это самой не очень-то и помогало. Дядя Леня просидел в кабинете приблизительно полчаса, после чего вышел и попытался нацепить на себя успокаивающую улыбку.

— Как бабушка, дядя Лень, что сказал врач? , — сразу подскочил, стоило ему только выйти.

— Так, Саша, все нормально врач сказал, что состояние стабильное, -при этом положил мне руки на плечи и заглянул в глаза, — Саша, тебе надо поехать домой. Черт, о чем я говорю, у тебя же там никого нет, поживешь пока у меня.

— Нет, я буду жить дома, у нас все продукты есть, мы вчера только закупили, а приготовить для себя я и сам могу и если что, деньги тоже есть.

— Саша ну ты подумай, что ты там будешь делать один. Если не хочешь к Леониду Ильичу, может тогда ко мне? , — подошедшая Фурцева так же не хотела, чтобы я жил один, при этом она смотрела на меня как на сироту что ли, при этом гладила по голове, что меня это чуть не взбесило. «Бабушка жива», хотелось мне крикнуть, но все же сдержался, я понимаю, что они хотят сделать как лучше для меня.

— Нет, простите, тетя Катя, но я буду жить дома.

— Хорошо, но тогда ты не будешь пропускать школу, — я хотел возразить, — но Фурцева пресекла это сразу, — да, Саша, приемные часы в больнице только после обеда — это раз, а во-вторых в реанимацию тебя не пустят.

— Екатерина Алексеевна права, и тебе сюда ходить не обязательно, я дам тебе телефон врача по нему и будешь узнавать о состоянии бабушки, — вновь подключился к беседе Брежнев, — а вот когда ее переведут в обычную палату, тогда мы вместе с тобой и навестим ее.

— Хорошо, — в принципе я понимаю, что они оба правы и еще следует их поблагодарить за то, что они бросили все свои дела и сразу же приехали, — спасибо, дядя Леня, тетя Катя, что приехали, я ведь понимаю как вы очень заняты на работе.

— Ну что ты, Сашка, все нормально, ты можешь всегда на нас рассчитывать, — похлопывая по плечу даже как- то смущенно посмотрел на меня Брежнев.

Фурцева же просто обняла меня и поцеловала в щеку.

— Сашка, если что, сразу звони нам, — тихо сказала и взлохматила мне волосы.

Леонид Ильич подошел к секретарю главврача, ведь мы так и не покинули приемную и попросил листок бумаги, на котором записал несколько номеров.

— Вот, Саша, держи, по этим номерам меня легче найти, — вручил мне листок.

К дому мы подъехали на машине Брежнева, машина Фурцевой следовала за нами. Я попрощался с Леонидом Ильичом и уже хотел проститься с тетей Катей, когда она заявила, что сначала посмотрит, что у меня дома с продуктами. Брежнев одобрительно кивнул.

-Правильно, Катя, — о как, уже Катя, может это их больше сблизит и он не забудет о ее помощи в смещение Хрущева, как было в моей истории, — обязательно надо проверять, по себе знаю будет сухомяткой давиться. Ладно, мне пора уже. Как появятся какие-либо новости об Аннушке сразу звоните, я и сам буду держать это дело на контроле, а мне еще много с кем надо поговорить о сегодняшней выходки некоторых.

— Спасибо еще раз, дядь Лень.

— Пустое, ну все, прощайте, — махнув рукой сел в машину, которая сразу тронулась, набирая скорость.

— Ну пошли посмотрим, что у тебя там, — Фурцева подхватила меня под руку и потянула к двери подъезда.

Дом встретил меня как- то тоскливо. Я, конечно, еще и сам себя накручиваю, но все же последние месяцы я привык, что меня встречает бабушка, хлопочет вокруг, интересуется как прошла репетиция или как дела в школе. Фурцева быстро скинула обувь и прошла на кухню, я же сел на трюмо. Знаете, вот то, что тетя Катя сейчас на кухне, проверяет холодильник, почему-то еще больше наводит меня на грустные мысли. Чувство одиночества только усиливается от ее присутствия. Может зря я отказался от их предложений. «Успокойся, Саша, хватит уже ныть, врачи же сказали, что состояние стабилизировалось», — немного приободрив себя, стал снимать обувь.

— Ну что же, я посмотрела твой холодильник и теперь могу быть спокойна по крайней мере дня три, хотя ты один, то может и все пять, — выдала заключение Екатерина Алексеевна, как только вышла из кухни, — Но я все же приеду к тебе дня через два, ну или раньше, когда Аню переведут в обычную палату, чтобы вместе ее навестить. А может все же поживешь у меня, ну что ты будешь здесь один?

— Нет, теть Кать, все нормально, не волнуйтесь за меня, — поспешил успокоить ее.

— Саша, насчет Франции, — увидев как я опять хочу возразить, она предупреждающе подняла руку, — Саша, я все понимаю, да и до поездки туда еще две недели, Аня уже вполне сможет поправиться, так что давай не будем загадывать. Да и поговорю я с Мишон, объясню ситуацию.Может смогут немного перенести сроки, хотя это вряд ли. Но я хотела поговорить о другом, Саша, ты понимаешь, что твоя выходка в церкви вполне может привести к тому, что тебя не выпустят из страны?

Задумавшись над ситуацией, я понял, зная как иногда ведет себя Хрущев и тем более став свидетелем сегодняшнего его скотского поступка, а это самое невинное определение, которое я смог подобрать тому, что он сделал, я понял, что он может пойти и на принцип. Но с другой стороны он не Сталин, который вполне единолично мог все это решать, тут на него могут и надавить, все же контракт с французами заключен.

— Я прекрасно понимаю, но тут тоже все не просто: с одной стороны — его непонятная для меня ненависть к нашей семье, а с другой — контракт с французами. И в ходе того, что сейчас наши страны идут на сближение, разрыв контракта не самый умный ход.

— Эх, Саша, если бы все всегда поступали разумно, жизнь стала бы намного проще, — говоря это Фурцева одевала обратно свою обувь, — Ладно, посмотрим, пойду я, Саша, а ты веди себя хорошо и прошу больше не встревай никуда.

— До свидания, — попрощавшись, закрыл за Фурцевой дверь. Есть совсем не хотелось, поэтому

пошел в свою комнату и лег на кровать. Мысли кружили вокруг Хрущева, там и злость, и желание отомстить, даже детское желание пойти набить ему морду, отвлек от всего звонок телефона. Резко подскочив к нему, протянул руку к трубке, замер. Я боялся поднимать ее, боялся, что звонок из больницы.Хорошие новости так быстро появиться не могут, а вот плохие. Звонок телефона, звучал даже как- то громко и тревожно. «Соберись уже» — одернул себя.

— Алло, — я даже голос свой не узнал, испуганный какой-то.

— Алло, — с той стороны раздался неуверенный голос Олега. Слышно было, что он не уверен, туда ли он попал, — Сашка, это ты?

— Да, Олег.

— Что у тебя с голосом, я тебя даже не узнал, — голос друга сразу повеселел и не дожидаясь моего ответа сразу продолжил, — Саша, я что звоню, ты завтра с нами репетируешь?

Вот неугомонный, мог бы завтра в школе узнать.

— Я не знаю Олег, — я и действительно не знал вдруг позвонят из больницы.

— Саш, а кто будет знать, прекращай уже, нам нужен ты, — Олег уже готов разразиться был бурной речью о моей безответственности.

— Олег, подожди, — прервал его начинающийся спич, который по его мнению должен был меня пристыдить и разбудить то, чего у меня, по его мнению, нету вовсе, совесть, — У меня бабушку скорая сегодня забрала, сердце.

— Прости, Саша, я не знал, тогда, конечно, ну да я понимаю, — как-то бессвязно залепетал друг и даже стал оправдываться, хотя его-то вины тут нет, — Саша, а может тебе что нужно или я могу чем помочь, ну то есть не я сам, а родители. Лекарства там какие, ну и я сам, если что нужно.

Друг, хороший друг. И ведь действительно начал бы родителей тормошить, чтобы помогли мне.

— Спасибо, Олег, ничего не надо, там уже все выяснили и все что нужно достанут. Я правда тебе очень благодарен, а насчет репетиции решим завтра в школе. Меня все равно к бабушке пока не пускают, так что может и стоит порепетировать, отвлечься.

— А это правильно, тебе действительно стоит отвлечься сейчас, Саш, а на репетициях минуты лишней нет, чтобы думать о чем-то, кроме нее самой.

— Ладно, Олег до завтра.

— До завтра.

Сон ночью похож был на какой-то дешевый ужастик, то я бегу куда-то, то в двери ломлюсь, а когда получается их открыть, за ними Хрущев оказывается, смеющийся словно киношный злодей. А один раз даже в костюме клоуна, словно вылез из книги Стивена Кинга «Оно». В итоге не выспался, состояние разбитое, но манкировать тренировкой не стал и правильно сделал. После пробежки стало полегче, даже в голове прояснилось, а то лезла всякая чушь по типу того, что его предупреждают о грядущих неприятностях, а главное ведь к гадалке не ходи — кто тут главный злодей.

Перед школой друзья встретили, лица угрюмые, сначала в душе появилась мысль: мол друзья-то оказались с гнильцой и теперь расстроены возможным срывом поездки. В итоге ему даже стало стыдно за свои мысли, они действительно переживали за него, за его бабушку. Хотелось даже извиниться за свои мысли, но здраво рассудив, понял, что этим еще больше их обижу, ведь они тогда узнают, что он сомневался в них. Репетиции не стал отменять, все же прав тот, кто придумал, что лучше всего отвлечет от тяжких дум полное погружение в работу, так чтобы мыслей других не было. Перед репетицией из дома позвонил в больницу, но там ничего не изменилось. Позвонил и Фурцевой на всякий случай, предупредил, что буду на репетиции, вдруг случиться что или она решит проверить как он один поживает. Екатерина Алексеевна судя по голосу в телефоне была рада, что он так решил отвлечься от всего.

— Правильно, Саша, работа она всегда лучший способ отвлечься от тяжелых мыслей.

А вот на репетиции его ждал сюрприз в лице Мари Мишон.

— Александэр, я слышала, от госпожи министра, о вашей бабушке, — Мари словно девочка подбежала ко мне, схватив за руки и так печально заглянула ко мне в глаза, — Саша, вы не волнуйтесь, все будет хорошо. Я когда общалась с вашей бабушкой у вас дома, то сразу поняла, что она сильный человек. Я уверена она поправится. Но если хочешь я могу пообщаться с другом нашей семьи Кристианом Кабролем, он лучший кардиохирург во Франции, да и скорей всего в Европе.

— Кристиан Эмиль Каброль? — я был очень удивлен, услышав от Мишон о нем, кто это? О это очень известный кардиохирург в мире, а узнал я о нем буквально случайно, услышал в новостях в две тысячи семнадцатом году о его смерти, потом прочел в новостных лентах интернета, и из любопытства, чем же он так был известен, почитал о нем. Оказался немного-немало первым в Европе врачом совершившим пересадку сердца, а в последующем и одновременную пересадку легких и сердца. А главное, в отличие от СССР, где кардиология в зачаточном состоянии, в то время как во Франции уже давно делают сложные операции на сердце.

Три дня спустя. Франция. Париж.

Двое мужчин шли по коридору изредка перебрасываясь короткими фразами, внезапно один остановился, повернувшись в сторону своего спутника, немного задумавшись спросил.

— Вы считаете нам следует в это вмешаться? — задумчиво спросил мужчина в генеральской форме.

— Я думаю обязательно, на то есть несколько причин. Во-первых — мы всегда можем преподать это как очередной шаг к дружбе между нашими странами. Во-вторых — давление из Лондона и Вашингтона очень сильно, — мужчина в дорогом костюме поднял руку предотвращая генеральский порыв высказаться о том, что он думает о янки и лаймах, — простите, мой генерал, я прекрасно знаю все, что вы хотите сказать, но будем честны, влияние этих стран все же сильно, как бы мы этого не хотели, а уступить в таком пустяке прекрасная возможность потребовать то, что нужно нам. И главное — сейчас у коммунистов не спокойно и есть все шансы, что нынешнего главу сместят, а вот тот кто может его заменить, да и не только он, очень хорошо относятся к семье Александра. И вот тут есть два варианта: если у наших «друзей» получится убедить нашего гостя попросить политическое убежище, то мы всегда сможем предупредить Хрущева об этом, а это очень сильный удар по его врагам и я думаю он будет благодарен нам. А вот если ничего у янки не получится, то мы все так же на коне. Ведь мы бескорыстно помогли молодому и уже очень популярному в нашей стране певцу, а судя

потому, что я успел узнать, его популярность после концертов может затмить Пиаф. А если у коммунистов сменится власть, то помощь сегодня только укрепит с ними наши отношения.

— А вы не думаете, что у заокеанских друзей может ничего не выйти, как и у тех кто хочет сместить Хрущева. Ведь тогда ему не понравится, что мы влезли в это. Ведь я уверен, что вы не только лечением его бабки ограничитесь.

— А ничего тогда не изменится, к нам у Хрущева просто не может быть претензий не мы организовываем его выезд из страны. А, что по делам помимо лечения, так мы пока спешить не будем, посмотрим, как будут развиваться события в СССР.

— Ну хорошо, я так понимаю, вы ждете когда у нее стабилизируется состояние для возможного перелета?

— Да, Каброль, по полученным данным от врачей из СССР, уверен, что если состояние не ухудшится в течение ближайших трех дней, то есть все шансы на успех этой затеи.

— Ладно, тогда вернемся к вопросу об Алжире. Меня не совсем удовлетворяет как там работают сотрудники из вашего ведомства и не только у меня из-за этого к Вам, как к главе ее, возникают вопросы.

Мужчина, вздохнув, предложил все же продолжить этот разговор в кабинете, где уже с документами на руках можно было бы хоть как-то оправдать ряд провалов его сотрудников.

Дорогие читатели следующая глава является заключительной первой части этой истории. Вы сможете найти ее спокойно в свободном доступе, но если все же у вас возникло желание, поблагодарить автора за труды, то думаю 25р это не такие большие деньги

http://tl.rulate.ru/book/61146/1587084